

Бейсбольная бита раздробила череп Гэри Макколла. Очки разбились, на лице осталась лишь перекошенная оправа, а осколки стекла, рассыпавшись по полу, глубоко изрезали кожу на лице трупа. Глаза покойника были широко открыты, в них застыло выражение невообразимого изумления и ужаса.

— Он получил то, что заслужил! Мой бедный мальчик... — мистер Дженкинс закрыл лицо руками.

— Он мог знать, где Спенсер и Джеймс! Но теперь он мертв! Что нам делать с нашими детьми? — мистер Рид прокричал это почти истерически, но тут же осекся, зажмурился, глубоко вздохнул и, прижав ладонь ко лбу, спросил: — Прежде чем ты расправился с ним, ты хоть что-то успел узнать?

На лице мистера Дженкинса отразились вина и раскаяние. Он пробормотал:

— Я... послушай, мне очень жаль. Когда я вошел, я сразу стал допрашивать его насчет Райли. Он не хотел признаваться, но я увидел туфли в стиральной машине. А потом этот сукин сын начал молить о пощаде. Он стоял на коленях и признался, что не смог удержаться, чтобы не похитить моего мальчика. Он привел Райли сюда... а потом убил его, потому что боялся, что тот выдаст его. Прости, я не смог, я не смог сдержать свой гнев.

— Ох! — грудь мистера Рида тяжело вздымалась. — И что теперь? Ну?

Миссис Рид, казалось, очнулась от его слов. Она оглядела мужчин, а затем, посмотрев на мистера Дженкинса, произнесла:

— Мы не можем идти в полицию. Они арестуют Лу.

— Не бери в голову, мы с Лу во всем разберемся. Мистер Берт, вы не могли бы...

— Вы хотите сказать, что собираетесь избавиться от тела и скрыть убийство? — мрачно спросил Брюс. Нет, это был не вопрос, а скорее язвительная насмешка.

— Этот человек был животным, вы сами все видели и слышали! Он убил Райли, и, возможно, он причастен к исчезновению двух других детей. Он ворвался в наш дом, чтобы снова причинить вред невинным! Лу не должен садиться в тюрьму из-за этого подонка. Он мстил за собственного сына... Берт, Брюс, Кларк? Умоляю вас! У вас ведь тоже есть дети!

— Я обычно не позволяю убийцам уйти у меня на глазах, — голос Брюса стал еще ниже. — К тому же, если мы все же заявим в полицию, что вы собираетесь делать? Убьете и нас тоже?

— Конечно нет, но я умоляю вас: не ломайте жизнь отцу, который только что потерял сына.

— После того, как он совершил убийство.

— Это был подонок! Он надругался над Райли и убил его, он хотел сделать то же самое со Спенсером и Джеймсом! С вашим Джеймсом, с вашими мальчиками!

— Это все равно убийство.

— Если вы можете положить руку на сердце и сказать, что за всю свою жизнь не совершили ни одного поступка, за который вам было бы стыдно, если вы можете поклясться, что в случае подобной беды вы не оступились бы... тогда идите в полицию. Идите, сдайте меня, — внезапно сказал стоявший в стороне мистер Дженкинс. Его взгляд был искренним, но полным безысходности. Он смотрел прямо на Брюса, не боясь встретиться с этими пронзительными, ледяными голубыми глазами.

Брюс долго молчал, прежде чем медленно произнести:

— Ты прекрасно понимаешь, что это две разные вещи. Ты также прекрасно знаешь, что совершил. Какими бы ни были твои оправдания, ты потерял контроль, ты позволил ненависти и ярости взять верх и убил человека.

Он сделал особый акцент на слове убийство, отчего щека Дженкинса непроизвольно дернулась.

— Я сообщу в полицию, но не сейчас. Двое детей все еще пропали, их судьба неизвестна, и у меня нет времени обсуждать с тобой, правильно это или нет — впрочем, я никогда не хотел это обсуждать. Я надеюсь, что до того, как дело о похищении будет закрыто, ты явишься с повинной. Если вы из-за этого возненавидите меня — пусть будет так, — Брюс хладнокровно подвел итог. Он бросил взгляд на чету Рид, но ничего не добавил, жестом приказав Кларку следовать за ним.

У него не было лишнего времени на споры о том, должен ли человек сесть в тюрьму за убийство подонка. В любом случае, в суде адвокат Дженкинса обязательно воспользуется этим аргументом, а присяжные и судья примут смягчающие обстоятельства во внимание. Не им решать вопрос о снисхождении или помиловании, никто из присутствующих на это не уполномочен.

— Я думал, тебе нужно кое-что уточнить у миссис Рид, — спросил Кларк, когда они вышли из дома.

— Нужно было, но теперь я уверен, — холодно ответил Брюс. Он подкатил инвалидное кресло к машине, достал карту и обвел на ней несколько точек: — Кларк, используй свой суперслух. Проверь эти места, где сегодня ночью был слышен шум авиационных двигателей. Что бы он ни задумал, Нигма перевезет детей до завтрашнего дня.

Нигма начал собирать вещи сразу после того, как прозвенел восьмичасовой будильник. Впрочем, это было не столько сбором вещей, сколько уничтожением улик и следов. Он стер все данные с экрана и разбил проекционное оборудование.

Сложив все самое важное в чемодан с биометрическим замком, он захлопнул крышку. Он уже собирался подняться на крышу, чтобы ждать самолет, но стоило ему встать, как ноги подкосились, и он едва не ударился о край стола.

— О, черт, только не сейчас! — с досадой пробормотал он.

— Сэр, с вами все в порядке? — спросил маленький добрый Рид, подняв на него взгляд.

— Маленькие досадные неприятности, — Нигма небрежно пожал плечами.

Джеймс тоже подошел, и они вместе с Ридом подхватили Загадочника под руки, помогая ему удержаться. Джеймс с сомнением произнес:

— Не думаю, что это просто неприятности. Вы даже стоять не можете.

— Да, старая досадная хворь. Вероятно, еще с тех времен, десятки лет назад, когда я был в бегах. Верно, даже в прошлом у меня бывали такие паршивые моменты. И, кстати, это не моя вина — просто в этом мире появился псих, которого никто не мог упрятать в лечебницу. Те годы были самыми трудными, для всех, — даже несмотря на то, что сердце сжимало от боли, Нигма продолжал болтать.

— Он причинил вам вред? — спросил Рид.

Нигма покачал головой, но очередная волна боли, словно разрывающая внутренности, накрыла его. Перед глазами потемнело, и лишь спустя время он медленно продолжил:

— Он пытался. Но в жизни не все идет так, как хочется, даже если ты мнишь себя богом. Мне стоило усилий убедить и подкупить палачей, это было непросто. Знаешь, если бы его обнаружили, его бы просто расплавили тепловым зрением в лужу крови или разорвали пополам. Черт, я ведь догадывался, что он придет на место казни. К счастью, этот здоровяк не досмотрел до конца, спасибо повстанцам, которые никогда не дают никому покоя.

Он засунул меня в бак, а потом сбросил в кучу токсичных отходов. Вокруг меня были тонны радиоактивного мусора. Мне потребовалось время, чтобы выбраться оттуда, пришлось идти по канализации, пропитанной той светящейся зеленой дрянью. Угадай загадку: выглядит как зеленое, на вкус как красное, а выплевывается как черное... Спасибо тому арбузу, который кто-то сунул мне в руки, когда я выполз из стока.

После я придумывал массу способов, чтобы плоть не слезла с костей, но вы же видите

результат. Я долго скрывался в лагерях беженцев — и правительственные войска, и повстанцы прикончили бы меня, если бы поймали. Пока война наконец не закончилась. Сначала я думал, что дождался лучших времен, когда никто больше не помешает мне делать то, что я хочу. Я становился все богаче, манипулировать политиками просто, красть технологии — легко... Но никакая технология не могла восстановить мое тело, пропитанное радиацией.

Я умираю. И не знаю, когда именно — может быть, сегодня утром, днем, вечером или глубокой ночью. Я не знаю. Я даже не знаю, есть ли во всем этом смысл.

Рид и Джеймс, какими бы умными они ни были, оставались детьми и не могли дать Загадочнику ответа.

— Я люблю загадки, но на самом деле я люблю только отгадки. Я люблю отгадки, потому что мне нравится наслаждаться чувством, когда никто другой не знает, а я знаю. Я очень умен, ты ведь знаешь... Нет, вы не знаете, никто не знает, насколько я умен. Они никогда не замечали меня. Как мне заставить их понять, что я умнее каждого из вас? — Нигма внезапно сел и крепко схватил Рида за маленькую ручку. Джеймс тут же бросился разжимать его пальцы.

Вероятно, из-за радиации на этом этапе Нигма перестал чувствовать недавнюю нестерпимую боль. Его глаза, широко распахнутые, излучали лихорадочный блеск. Он выглядел оживленным, глядя на Рида так, будто хотел проглотить его целиком. Нигма продолжал говорить без умолку, но теперь в его словах исчезла депрессия и всякая логика.

Джеймс впервые по-настоящему осознал, что Загадочник — самый настоящий безумец!

— Вы не понимаете. Я сумасшедший? Я не сумасшедший! Но почему я схожу с ума от собственных загадок? Я — тот, кто победил! Я победил вас всех, вы все мертвы, только я жив. Я управляю правительствами многих стран, я могу манипулировать кем угодно, у меня куча денег, и какие бы странности я ни вытворял, красавицы сами приходят ко мне. Я получил все! Я самый умный! Нет, я не... я не победил вас, вы все мертвы, я уже никогда не смогу победить вас.

С крыши донесся гул лопастей вертолета, звук становился все громче, оглушительнее. Но Нигма не приходил в себя. Он сжимал руку Рида все сильнее, его глаза сияли пугающим светом.

— Почему я не удовлетворен?! Я получил все, о чем когда-то мечтал, почему же я этого не хочу? Если бы я хотел выжить, я мог бы пересадить свой мозг, найти новое тело, даже искусственное. Я мог бы сотрудничать с Гидрой и разработать идеальную сыворотку... Но почему я отказался? Почему каждую ночь мне снится тот Готэм? Во сне я снова возвращаюсь в камеру Аркхема. Неужели я тоскую по тем временам, когда был заперт?

Джеймс изо всех сил разжимал его когтистые пальцы, пытаясь спасти перепуганного Рида.

— В темноте, в самой глубокой ночной мгле, в Готэме снова начинается дождь. Луны нет, вся сталь и бетон холодные и влажные, словно железный лес, готовый поглотить тебя... Я вижу их, я вижу его... Проекция летучей мыши в небе, она взирает на Готэм. Кто бы мог подумать, что Бэтмен — это Брюс Уэйн? Когда Супермен объявил Брюси-малыша в международный розыск, о, вы должны были видеть лица остальных... Где он?

Готэма больше нет... не моего Готэма... нет Аркхема... Бэтмена... — острая боль вернулась с новой силой. В этот раз Нигма начал издавать пугающие вопли, выкрикивая то имя Готэма, то Бэтмена.

Он отпустил Рида и начал биться головой об пол, пытаясь унять боль. Он продолжал выть: Готэм, почему, Бэтмен! — так что оба ребенка в ужасе спрятались за диваном.

— Почему, Бэтмен? Скажи мне, почему? — Нигма встал и, бормоча, посмотрел вперед.

Джеймс проследил за его пустым взглядом — там ничего не было. Отлично, у Загадочника начались галлюцинации!

Однако в следующую секунду у него едва не отвисла челюсть: кто-нибудь может сказать ему, что это летит в небе? Почему это так похоже на человека, держащего инвалидное кресло? И почему этот человек так похож на Кларка?

Стекло разбилось аккуратно, удар был несильным, поэтому осколки не задели тех, кто был внутри. Кларк опустил кресло, подбежал проверить детей и крепко обнял Джеймса, который бросился к нему.

— Все хорошо, Джим, все хорошо, — он погладил мальчика по маленьким плечам.

Брюс смотрел на одряхлевшего Загадочника. Тот перестал кричать и уставился прямо на него.

— Довольно, Нигма, — сказал Брюс.

— ...Это ты.

— Кларк, уводи детей, — не оборачиваясь, приказал Брюс.

— Но, Брюс...

— Сейчас! Немедленно! Уходи! — рывкнул Брюс, точно так же, как тот человек, который когда-то рычал: Убирайся из моего Готэма.

Кларк вывел детей из комнаты. Он знал, что произойдет дальше, и Брюс не хотел, чтобы он присутствовал. Это было дело Готэма, двух настоящих готэмцев, пусть один из них герой, а другой — преступник. Но таков Готэм: свои счета они сводят сами, и посторонним здесь не место.

— Я знаю, что умираю, Бэтмен. Или мне следует называть тебя Брюс Уэйн? — с бесконечным сарказмом произнес Нигма.

Брюс спокойно ответил:

— Я уже давно не использую ни одно из этих имен.

— Я вижу. Ты наконец тоже сошел с ума? Он? — Нигма склонил голову, намекая на что-то.

— Это наше с ним дело.

— Неважно, сколько людей он вырезал, конечно, конечно.

— Нигма, ты не из тех, кто об этом беспокоится.

— О чем я беспокоюсь? Ха! — Загадочник коротко рассмеялся, словно услышал что-то забавное. Затем, с неестественной для его внешнего вида ловкостью, он шагнул к креслу и вцепился в горло Брюса. Тот лишь прищурился. — Ты позволил инопланетянину, чужаку, уничтожить Готэм. Честно говоря, лучше бы ты позволил это Джокеру.

— Нигма...

— Чертов глупый Бэтмен, чертово глупое все это, чертовы радиоактивные отходы!

— Нигма...

— Почему ты еще жив? Все говорят, что ты мертв, и мои расследования подтверждали это. Так почему ты до сих пор жив?

— Нигма...

— Он заставил меня пролежать в токсичных отходах сутки напролет, он сделал меня таким, он заставил меня...

— Эдвард! — резко оборвал его Брюс.

Загадочник опустил голову и увидел, что его тело плавится, плоть начинает медленно отделяться от костей. На мгновение он, казалось, не понял, что происходит, но вскоре его взгляд изменился.

— Я превращаюсь в скелет, и я ничего не чувствую, — крайне спокойным тоном описал Нигма.

— Позволь мне помочь тебе, Эдвард, — в голосе Брюса промелькнула редкая нотка участия.

— Ты снова собираешься запереть меня в Аркхеме? Нет, нет, Бэтмен, Брюс, Аркхема больше нет. Ты до сих пор не понимаешь? Мы давно мертвы, мы умерли в ту эпоху, а то, что осталось сейчас — лишь наши дряхлые тела, влачащие жалкое существование, словно зомби. Ты не Бэтмен, не Брюс Уэйн, ты просто тень, оставленная ими в этом мире. А я не Загадочник, не Эдвард Нигма. Ха, мы все мертвы.

— ... — Брюс молчал, наблюдая, как плоть Загадочника отделяется все сильнее. Когда процесс дошел до пояса и тот начал терять равновесие, он протянул руку и схватил Нигму за ладонь.

Кости рассыпались по полу, и Нигме оставалось лишь смотреть вверх, на человека в инвалидном кресле, который тоже успел постареть.

— Твоего Готэма больше нет, Аркхем разрушен, Бэтмен исчез, все, кто знал ту историю, сами стали историей. Скажи мне, что в тебе осталось? Ты лишь пустая оболочка, которую носил Бэтмен, труп, ожидающий разложения. Ты даже не Брюс Уэйн. Кто ты? А?

Распад дошел до груди, и Брюсу пришлось наклониться, чтобы не разорвать то, что осталось от него.

— О, подожди, позволь мне загадать последнюю загадку: что перестает существовать, как только на него посмотрят?

Брюс не решился сжимать руку сильнее. Слегка дернув запястьем, он откатил кресло назад, а сам сполз на пол, подхватив Нигму, от которого осталась лишь малая часть. Свет жизни в его глазах наконец погас. Когда последний кусочек плоти отделился, в руках Брюса остался лишь череп этого многострадального человека.

— Отгадка — это... ты, энигма, неразгаданная тайна, и Эдвард Нигма, — тихо прошептал Брюс.

<http://bllate.org/book/18899/1847579>